

А. И. Герцен

Записки одного молодого человека

Оригинал находится здесь: [Машинный фонд русского языка](#)

[Напечатаны в "Отечественных записках" в последней книжке 1840 и первой 1841. (Прим. А. И. Герцена.)]

ВСТУПЛЕНИЕ

Твое предложение, друг мой, удивило меня. Несколько дней я думал о нем. В эту грустную, томную, бесцветную эпоху жизни, в этот болезненный перелом, который еще бог весть чем кончится, "писать мои воспоминания". Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало-помалу образы давно прошедшие наполнили душу, окружили радостной вереницей, – мне жаль стало расстаться с ними, и я решился писать, для того чтоб остановить, удержать воспоминания, пожить с ними подольше; мне так хорошо было под их влиянием, так привольно... Сверх того, думалось мне, пока я буду писать, подольется внешняя вода и смоет с мели мою барку.

А странно! С начала юности искал я деятельности, жизни полной; шум житейский манил меня; но едва я начал жить, какая-то *bufera infernale* завертела меня, бросила далеко от людей, очертила круг деятельности карманным циркулем, велела сложить руки. Мне пришлось в молодости испытать отраду стариков: перебирать бывшее и вместо того, чтоб жить в самом деле, записывать прожитое. Делать нечего! Я, вздохнувши, принялся за перо; но едва написал страницу, как мне стало легче; тягость настоящего делалась менее чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживал сам с прошедшим: расстояние между нами исчезало. Моя работа стала мне нравиться, я увлекался ею и, как комар Крылова, "из Ахиллеса стал Омиром"; и почему же нет, когда я прожил свою Илиаду?.. Целая часть жизни окончена; я вступил в новую область; тут другие нравы, другие люди – почему же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? Почему не проститься с ним по-братски, когда оно того стоит? Каждый день нас отдаляет друг от друга, а возвращения нет. Моя тетрадка будет надгробным памятником доли жизни, канувшей в вечность. В ней будет записано, сколько я схоронил себя. Но скучна будет Илиада человека обыкновенного, ничего не совершившего, и жизнь наша течет теперь по такому прозаическому, гладко скошенному полю, так исполнена благоразумия и осторожности *etc.*, *etc.* – Я не верю этому; нет, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзии, страстей, коллизий, как жите-бытье рыцарей в средних веках, как жите-бытье римлян и греков. Да и о каких совершенствах идет речь? Кто жил умом и сердцем, кто проводил знойную юность, кто человеческий страдал как каждым страданием и сочувствовал каждому восторгу, кто может указать на нее и сказать: "вот моя подруга", на него и сказать: "вот мой друг", – тот совершил кое-что. "Каждый человек, – говорит Гейне, – есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история", – и история каждого существования имеет свой интерес; это понимали Шекспир, Вальтер Скотт, Теньер, вся фламандская школа: интерес этот состоит в зрелище развития духа под влиянием времени, обстоятельств, случайностей, растягивающих, укорачивающих его нормальное, общее направление.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тут моего мало: для меня избрано время, в нем мое владение; у меня нет на земле прошедшего, ни будущего не будет через несколько лет. Откуда это тело, крепости которого удивлялся Гамлет, я не знаю. Но жизнь – мое естественное право; я распоряжаюсь хозяином в ней, вдвигаю свое "я" во все окружающее, борюсь с ним, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь мир, переплавляю его, как в горниле, сознаю связь с человечеством, с бесконечностью, – и будто история этого вырабатывания от ребяческой непосредственности, от этого покойного сна на лоне матери до сознания, до требования участия во всем человеческом, до самобытной жизни – лишена интереса? Не может быть!